

УДК 947.083

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТРУДАХ Г.А.ГЕРАСИМЕНКО

©2008 П.С.Кабытов

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

В статье рассматриваются концептуальные воззрения видного российского историка Г.А.Герасименко на проблемные аспекты второй русской революции, проанализировано творческое наследие историка.

Г.А.Герасименко приехал в Москву в 1980 г., когда, казалось бы, устои развитого социализма были незыблемы. Это было время, когда отечественная историография вновь находилась под административным воздействием со стороны партийных органов. Неосталинистская концепция в научных трудах историков становилась господствующей. Поэтому определение проблематики научных исследований было чрезвычайно актуальным для Г.А.Герасименко. Он вполне мог заниматься изучением молодежного движения в нашей стране или историей комсомола. Но эта проблематика была далека от его научных интересов. Он считал, что изучение крестьянского движения в период между двумя российскими революциями может многое прояснить в характере и особенностях революции 1917 г.

Конечно, он хорошо знал о тех дискуссиях, которые велись представителями нового направления в советской исторической науке (А.М.Анфимов, П.В.Волобуев, К.Н.Тарновский, В.П.Данилов, М.Я.Гефтер) и официальными историографами, которые считали, что к 1917 г в российской деревне господствовали капиталистические отношения. Речь шла, главным образом, об особенностях и характере аграрного строя России начала XX века. Но его в большей степени волновали не экономические характеристики состояния сельского хозяйства, а реакция крестьян на крутой поворот в аграрной политике императора Николая II. Суть ее состояла в разрушении сельской поземельной общины и создании слоя земельных собственников из числа землеустроенных крестьян, укрепивших земельные наделы в личную собственность.

Изучая историю Советов в период второй русской революции, Григорий Алексеевич не мог не заметить того факта, что земства играли видную роль в революционных событиях. В течение пяти лет он работал над монографи-

ей "Земское самоуправление в России"[1]. Хотя она написана на основе марксистско-ленинской методологии, тем не менее, в ней явно просматриваются новые подходы в освещении революции 1917 г.

В начале 1990-х гг. Г.А.Герасименко продолжал научную разработку проблем второй русской революции. Именно в это время он активно исследует процесс создания и деятельности общественных исполнительных комитетов, которые сыграли видную роль в период революционных событий 1917 года. Удивительно, но факт. Эта книга была подготовлена к изданию всего за два года [4]. Монография написана на общероссийском материале. В ней явно прослеживается стремление историка использовать новые подходы в освещении истории исполнительных общественных комитетов, которые, по его мнению, по сути дела в 1917 г. выступали организационным оформлением народовластия в России [2, С.4]. Прежде всего, он установил, что общественные исполнительные комитеты были широко распространенной формой народовластия. Они покрыли страну густой сетью на губернском, на уездном и сельском уровнях, но оказались не нужными ни Временному правительству, ни большевикам, для которых идеальной формой власти стали Советы [2, С.4].

Историк выделяет этапы в организации и деятельности этих комитетов: "крутой подъем весной, резкий спад к середине лета" и медленное умирание в августе и сентябре. Случилось так, что они оказались на обочине революционного процесса. А сама история общественных исполнительных комитетов изучалась историками через призму борьбы пролетариата и буржуазии, а потому в оценке их деятельности наблюдалась, по определению Г.А.Герасименко, "разноголосица". Он выделяет этапы в развитии историографии проблемы. По его мнению, историки 1920-х гг. заложили основу для

ее изучения. Но в 1930 – 1950-е гг. историографическая ситуация изменилась, так как "на смену политическому плюрализму, характерному для 1920-х годов, пришла жесткая регламентация интеллектуальной и культурной жизни, монополярная ортодоксия, унылое единомыслие и нетерпимость к иному мнению. Здесь звучит явный намек на "Краткий курс истории ВКП (б)" [2, С.8].

Как бы там ни было, но в советской исторической науке возобладало мнение, что общественные исполнительные комитеты по своему составу являлись буржуазными и местными органами Временного правительства. Причем, ученые не только фальсифицировали исторический процесс при анализе деятельности этих организаций, но и публиковали документы с купюрами и сокращениями [2, С.10]. Более того в 1950-х гг. "историки стали единодушно утверждать, что вхождение большевиков в общественные исполнительные комитеты было ошибкой, поскольку это усиливало позиции буржуазии и увеличивало соглашательские настроения масс" [2, С.13].

Данные концептуальные воззрения пытались в 1960-е гг. пересмотреть Ф.С.Горовой и Л.М.Гантман. Но, как только они попытались выйти за пределы искусственно сконструированной системы мифологем, тут же появилась статья сотрудника Института марксизма-ленинизма А.Совокина с критикой взглядов Ф.С.Горова [4, С.16]. И в 1960-е гг., отмечал далее историк, историографическая ситуация практически не изменилась. Г.А.Герасименко правомерно считает, что новые подходы в изучении истории общественных исполнительных комитетов наметились в 1970-е гг.

Попутно замечу, что такие новации стали возможны лишь после появления фундаментальной работы Г.А.Герасименко о низовых крестьянских организациях, которая стимулировала к пересмотру традиционных взглядов на эту проблему. Он тщательно проанализировал научные взгляды А.Я.Грунта, Г.Г.Макарова, Е.Н.Бабиковой, А.М.Андреева, Н.Г.Думовой и пришел к выводу, что преодолеть традиционные взгляды на роль и характер общественных исполнительных комитетов историкам 80-х гг. не удалось.

В первой главе монографии анализируется процесс организации губернских, уездных и сельских общественных исполнительных коми-

тетов. Если говорить о губернских комитетах, то они возникли в первые дни марта 1917 г. "непосредственно на митингах и собраниях в гуще народного движения" [2, С.57]. Обоснованно звучит вывод о том, что определяющее влияние масс на комитеты проявилось как в разных названиях этих организаций, так и в различной структуре. Но в них входили представители всех слоев населения, и функционировали они за счет пожертвований. Г.А.Герасименко отметил те губернские центры, где буржуазия сумела провести в комитеты много сторонников. Но были и такие города, где в комитетах преобладали леворадикальные элементы, в большинстве же – представители средних слоев населения.

Новые данные приведены в монографии о процессе возникновения уездных комитетов. Доказано, что они создавались, чаще всего, на митингах и собраниях. Членов комитетов избирали путем тайного голосования. По сравнению с губернскими комитетами они были более представительными: в их избрании участвовали все слои населения. Подобное дало основание Г.А.Герасименко отнести уездные комитеты к последовательно демократическим учреждениям [2, С.83].

Интересны выводы и наблюдения Г.А.Герасименко о процессе создания волостных и сельских комитетов, на возникновение которых значительное влияние "оказывала общинная организация сельской жизни", а потому автор считает их состав демократическим. В монографии также приведены сведения о финансовом обеспечении низовых организаций, их взаимоотношениях с губернскими и уездными комитетами и комиссарами Временного правительства. Акцентируется внимание на правах волостных и сельских комитетов, которые, "по их собственному мнению, были безграничны" [2, С.109].

Анализируя процесс создания комитетов, их социальный состав, взаимоотношения с органами власти Временного правительства, Советами и политическими партиями, Г.А.Герасименко пришел к выводу о том, что губернские, уездные, волостные и поселковые (сельские) комитеты "представляли собой звенья единого общественно-политического института, сложившегося в стране после свержения самодержавия [2, С.298]. Именно комитеты осуществили слом старого аппарата управления и

развернули борьбу за политические свободы, 8-ми часовой рабочий день, повышение заработной платы. Представляя все больше полномочий и прав губернским и уездным комиссарам, Временное правительство шло по линии ограничения полномочий общественных исполнительных комитетов. В ходе революции исчезли лояльность и осознание необходимости совместных действий общественных исполнительных комитетов и Советов, что, в конечном счете, привело к их изоляции и краху. Итак, в монографии Г.А.Герасименко убедительно доказано, что низовые общественные исполнительные комитеты были созданы не буржуазией, не помещиками, не городскими думами и земствами, а возникли в результате правотворчества масс и сыграли видную роль в демократизации жизни страны в 1917 году.

На этот важнейший вывод он опирается и в другой монографии "Народ и власть.1917", которая вышла в свет в 1995 г. [3]. Работа над ней шла в самый сложный период становления российской государственности. Периодически повторявшиеся политические кризисы, в том числе события октября 1993 г, приведшие к краху советской системы и принятию новой Конституции Российской Федерации, создание новой системы органов государственного управления, военные конфликты, развязанные террористами на юге страны – эти и другие факторы не могли не оказывать воздействия на эмоциональное состояние историка. Уже в конце 80-х гг. в ведущих научных центрах страны стала разрабатываться такая важнейшая проблема, как взаимоотношения власти и общества на различных этапах российской истории. И, конечно, Г.А.Герасименко не мог пройти мимо этой проблемы. Сама логика жизни и исследовательской работы подвигала ученого к этой теме. К тому же, в личном архиве историка был собран богатейший материал, который ранее лишь частично использовался в опубликованных трудах.

Остановимся на некоторых взглядах Г.А.Герасименко. В монографии он оперирует такими дефинициями, как народный фронт, политическое равновесие, народная программа и т.д. Все это свидетельствует, что исследователь отходит от одномерного отражения революционного процесса, который был характерен для научных работ советских историков. Так, оценивая ситуацию в стране сразу же после свер-

жения самодержавия, пишет о том, что антицаристский фронт трансформировался в народный. "Противостояние в обществе получило иную форму: линия политического разграничения на этот раз прошла между народным фронтом и цензовой частью общества" [3, С.17].

И далее отмечает, что рабочие и солдаты, представлявшие леворадикальное крыло, стали откровенным противовесом буржуазно-помещичьему лагерю. Фиксируя взлет настроений масс в первые дни революции, историк заметил, что именно тогда и Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов пошли на взаимные уступки. Это и привело хотя бы к краткосрочному снятию остроты противоречий в обществе. Однако это единение общественных сил было недолгим. Обострение противоречий между крайними полюсами привело к углублению противоречий внутри демократии, констатирует историк. Такой подход к освещению революции 1917 г. является, на наш взгляд, продуктивным. В основном, борьба между радикалами и демократами развернулась за Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов [3, С.24 – 25]. Интересны рассуждения автора о том, что угроза установления диктатуры исходила как от буржуазно-помещичьего, так и от демократического лагеря.

Традиционно при анализе взаимоотношений народа и власти Г.А.Герасименко вновь возвращается к описанию процесса организации и деятельности общественных исполнительных комитетов. Этот анализ нужен ему вновь для того, чтобы еще раз подчеркнуть то место и роль, которую сыграли данные органы народовластия в 1917 г. Пожалуй, новым здесь является то, что комитеты занимали центристские позиции.

Но основное внимание в монографии уделено анализу формирования властных структур в период функционирования Временного правительства. И здесь в центре внимания находится институт губернских и уездных комиссаров Временного правительства. Автор детально исследует правовые акты, в которых сформулированы принципы формирования на местах новой власти, определены функции и компетенции комиссаров Временного правительства. Отмечается значение телеграммы князя Львова от 5 марта, которая по существу стала первым правовым актом, положившим

начало процессу замены губернаторов губернскими комиссарами. Автор приводит отклики политических деятелей, в которых содержится противоречивая оценка этой телеграммы.

Г.А.Герасименко много внимания уделяет отношению народных масс к процессу создания новых властных структур. "Главным пунктом противоречий между правительством и народом стали требования указа о назначении комиссаров из центра и непременно из земской среды. Народ имел мнение об организации местной власти, справедливо полагая, что это его собственное дело". [3, С.74]. В этой связи отмечается, что под напором критики Временное правительство впоследствии отказалось от принципа назначения и установило принцип утверждения избранных на местах лиц. В целом, Временному правительству удалось быстро оформить институт комиссаров. Но, вместе с тем, историк отмечает, что, несмотря на "административный нажим и жесткую регламентацию, его структура оказалась весьма разнообразной и существенно отличалась от той, которую навязывало МВД" [3, С.80].

Г.А.Герасименко весьма обстоятельно говорит об удалении комиссаров, занявших должность по указу Временного правительства, о правовых актах, расширявших функции комиссаров, о взаимоотношениях общественных исполнительных комитетов и Советов с губернскими и уездными органами власти. Он подчеркивает, что уже в мае-июне 1917 г. Советы все "настойчивее заявляли права на власть и вмешивались в компетенцию комиссаров" [3, С.156]. С другой стороны, комиссары Временного правительства к лету 1917 г. взяли в свое ведение канцелярии губернаторов, уездных исправников, землеустроительных комиссий, завладели материально-технической базой других учреждений, обслуживавших царских чиновников. Они все чаще использовали вместо убеждений карательные приемы.

Особое внимание в данной монографии Г.А.Герасименко уделяет расстановке политических сил после июльского кризиса 1917 года, когда комиссары получили преимущество над конкурентами. Историк приводит данные об ограничениях со стороны Временного правительства деятельности местных Советов, о применении против них санкций. Но это не ослабило их претензий на власть. Они все чаще вмешиваются в процедуру избрания комисса-

ров, вторгаются в их полномочия. Г.А.Герасименко считает, что оформление режима личной власти А.Ф.Керенского началось сразу же после июльских событий. Корниловский мятеж на короткий срок укрепил престиж А.Ф.Керенского, а затем в условиях созревания общенационального кризиса все структуры власти Временного правительства, в том числе и институт губернских и уездных комиссаров, оказались не способны управлять страной. "Главная же причина развала местной власти заключалась в том, что они [комиссары – авт.] попали в политическую изоляцию. Они полностью утратили доверие народа..." [3, С.275]. Итак, Г.А.Герасименко пришел к выводу о том, что сформированная демократами система правления к осени 1917 г. себя исчерпала. Он характеризует возникшую в стране ситуацию как формирование двух альтернатив, которые "были еще более жесткие, откровенно насильственные, диктаторские режимы: крайне правый, в виде диктатуры буржуазии и генералитета, и крайне левый, тоталитарно-партократический" [3, С.280]. Как видим, автор монографии преодолел традиционные мифологемы и сумел по-новому осветить взаимоотношения народа и власти в период второй российской революции.

Завершает серию работ о второй российской революции монография "Александр Федорович Керенский", которая была написана в соавторстве с М.И.Басмановым и К.В.Гусевым [4]. В коллективной монографии о Керенском перу Г.А.Герасименко принадлежат четыре главы – с III по VI. Переход к жанру биографии видного политического деятеля, каким являлся в 1917 г. А.Ф.Керенский, также не случаен для Г.А.Герасименко. Известно, что в советскую эпоху А.Ф.Керенский явно карикатурно изображался в трудах историков. Материал о Керенском стал накапливаться в личном архиве Григория Алексеевича исподволь, еще во время работы в Саратовском университете. Но в московский период, в связи с переходом Г.А.Герасименко к изучению проблем второй русской революции на общероссийском материале, досье на Керенского стало быстро пополняться новыми документами. Думаю, что монография о Керенском может быть смело отнесена к числу лучших научных трудов Григория Алексеевича. Да это и понятно. К тому времени он был в зените научной карьеры. И сама ситуация

1990-х гг., освобождение от привычных стереотипов так или иначе привели к тому, что у Герасименко появилось ощущение свободы. Я бы сказал, у нашего героя исчез "внутренний редактор", который всегда сдерживает свободу научного творчества.

В главах, написанных Г.А.Герасименко, показан феерический взлет на высший государственный пост А.Ф.Керенского и его сокрушительное падение. Такая карьера возможна была только в условиях новой великой смуты, которая именуется второй российской революцией. И она заняла относительно короткий период времени от начала Февральской революции до октябрьского переворота, всего то лишь около 8-ми месяцев. Но это было время, когда события протекали с большой скоростью и наслаивались друг на друга.

По мнению Г.А.Герасименко, стремительному восхождению Керенского к власти способствовало то, что к 1917 г. тот приобрел большой опыт политической деятельности. "За годы первой русской революции и думской деятельности, – писал историк, – он развил способность предвидеть ход событий и адекватно реагировать на самые неожиданные повороты в политике" [4, С.67]. В книге яркими мазками запечатлен политический портрет Керенского: "Он обладал высоким интеллектом и был европейски образованным человеком. Даже внешним видом – стройный, порывистый, страстный – он отличался от типичных интеллектуалов и общественных деятелей, чаще ухоженных, нарочито степенных". И далее, говоря о Керенском как ораторе, автор отмечает, что чрезвычайная нервность "быстрая возбудимость, экзальтированность давали его выступлениям дополнительную ударную силу" [6, С.68]. Дар оратора полностью раскрывался, когда Керенский выступал перед единомышленниками, в чуждой социальной среде он ощущал скованность и был не в состоянии изменить настроение агрессивной аудитории. Детально описывает Г.А.Герасименко поведение Керенского накануне Февральской революции, его успешные попытки стать одним из лидеров Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и занять одно из значимых кресел во Временном правительстве.

Он оказался не только искусным мастером плести политические интриги, но и сумел обойти как политических противников, так и

однопартийцев – лидеров партии эсеров. В ход шло все: социальная демагогия, которая была присуща для его многочисленных выступлений на митингах; рукопожатия со всеми людьми, теми, которые встречались на его пути; бесстыдный обман и шантаж, истерия и экзальтация, то есть множество масок, в тот или иной момент мастерски использовавшимися Керенским. Все это предпринималось для того, чтобы привлечь внимание народа к своей персоне, для того, чтобы стать "своим" для всех, и, прежде всего, для солдат действующей армии. Весьма важен вывод Г.А.Герасименко о том, что "Керенский очень последовательно создавал имидж самого деятельного и незаменимого политика и, как показало ближайшее будущее, вполне преуспел в этом деле" [4, С.93].

Уже в мартовские дни 1917 г. для Керенского характерно стремление играть роль надпартийной, общенациональной фигуры. Г.А.Герасименко исследует его поведение во время политических кризисов, которыми так была богата революционная эпоха 1917 г. Войдя в состав Временного правительства в качестве министра юстиции 2 марта 1917 г. от Петроградского Совета и партии эсеров, Керенский стал считать, что его мнение в правительстве имеет особый вес, так как он выражает интересы народа [4, С.76]. Но вскоре, констатирует историк, Керенский осознал, что в "условиях мировой войны и крайней милитаризации общества взойти на олимп власти можно только через военное ведомство" [4, С.77]. 5 мая 1917 г. он получил самый весомый портфель – военного и морского министра, что стало последней ступенью лестницы, "которая вела к высшей государственной власти в стране", – отмечал Г.А.Герасименко.

Важно отметить вклад Г.А.Герасименко в изучение теоретических воззрений Керенского, который негативно относился к марксизму и даже его отрицал. Но, тем не менее, он понимал, что в речах на митингах нельзя было обойтись без таких дефиниций, как империализм, демократия, социализм. Обильно использовались и такие понятия, как свобода, равенство и братство. Г.А.Герасименко подчеркивает, что для Керенского и других политиков эти понятия выступали в качестве самостоятельных ценностей. Иными словами, революция вершится не для блага людей, а во имя эфемерных лозунгов. В подтверждение этого историк ссы-

лается на работу Керенского, в которой тот писал: "Нашим лозунгом должны быть не люди, а идеи: свобода, равенство, братство" [4, С.82].

А коль так, то для достижения цели все средства хороши. Керенский считает, что надо превратить азиатскую монархию в "совершенную республику на свете. Он явно лжет, когда говорит о величайшем развале государственной и экономической жизни страны накануне революции; заявляет о бестолковости русского народа; считает двоевластие в стране выдумкой своих оппонентов; проявляет зашоренность при определении сил и возможностей контрреволюции, полагая, что главная опасность исходит от леворадикального лагеря". И, конечно, историк много внимания уделяет анализу деятельности Керенского на посту военного и морского министра, когда все явственнее проявлялось раздвоение личности новоявленного мессии. "На трибуне он последовательный и страстный защитник интересов народа, а в кругу единомышленников – высокомерный и чванливый, презрительно отзывающийся о том же народе и способный в любой момент попать его права" [4, С.98]. Процесс нравственной деградации личности сказался и в том, что, став премьер-министром, Керенский после июльских событий открыто использовал насильственные, авторитарные методы борьбы против оппозиции. Само правительство Керенского историк квалифицирует как демократическую диктатуру [4, С.104]. Он совершенно забыл о свободе, равенстве и братстве, и взялся за хлыст и палку для того, чтобы удержать власть.

К осени 1917 г. Керенский "утратил способность к критическому самоанализу и правильной оценке событий. Он был ослеплен го-

ловокружительной карьерой и не желал внести перемены ни в политику, ни в структуру власти. А та чрезвычайно суетливая и нервная деятельность, которой он занимался денно и нощно, была видимостью, имитацией работы по совершенствованию аппарата управления и уточнению политики" [4, С.127]. Историк не мог пройти мимо требований Керенского предоставления ему неограниченных полномочий. Как это напоминало последние годы правления М.С.Горбачева, который, обладая всей полнотой власти, постоянно требовал предоставить ему еще какие-то дополнительные полномочия! Г.А.Герасименко вскрывает причины краха Керенского, который, оказавшись на вершине власти, не мог установить сотрудничество ни с народом, ни с политическими партиями. Этому помешали звездная болезнь Керенского и "политическое ослепление" (термин Г.А.Герасименко), которые так или иначе способствовали тому, что у него возникла бредовая идея – будто правые подталкивали большевиков к захвату власти. Он оказался не способен оценить ситуацию и принять кардинальные меры по выводу страны из кризиса. А потому не думал о последствиях для России, которую вверх "в пучину невиданных бед и несчастий".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кабытов П.С.* Г.А.Герасименко. Земское самоуправление в России // Вопросы истории. 1991. N2 – 3. – С.243 – 245.
2. *Герасименко Г.А.* Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты. – М.: 1992.
3. *Герасименко Г.А.* Народ и власть. 1917. – М.: 2005.
4. *Басманов М.И., Герасименко Г.А. Гусев К.В.* Александр Федорович Керенский. – Саратов: 1996.

HISTORY OF THE SECOND RUSSIAN REVOLUTION IN G.A.GERASIMENKO'S WORKS

© 2008 P.S.Kabytov

Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

In the paper the conceptual views of a prominent Russian historian G.A. Gerasimenko on problematic aspects of the Second Russian Revolution are considered, Gerasimenko's body of work is analyzed.